

СОН И СНОВИДЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ*

Т.Г. Голева,
Пермский научный центр УрО РАН

Традиции сна неизбежно складывались в культуре любого народа. Современные полевые этнографические материалы позволяют раскрыть элементы антропологии сна в традиционной культуре коми-пермяков. Автор описывает материальную культуру, ритуалы, связанные со сном, поверья и представления о сне и сновидениях. В работе определяются семантика некоторых обычаев и рациональные знания коми-пермяков о природе сна.

Ключевые слова: традиции коми-пермяков, сон, сновидения, постель, гадания, заговоры, культ предков.

Состояние сна для человека – это естественный и необходимый для жизни процесс, он неизбежно становится частью культуры как объект интерпретаций и деятельности, направленной на подготовку к нему. Особую значимость в культуре, кроме этого, имеют сновидения – индивидуальные переживания и визуальные образы во время сна. Изучению данного явления как культурного феномена посвящено немало культурологических и этнографических трудов [13, 15, 17–19]. Исследование культуры сна в коми-пермяцкой традиции представляет интерес как вариант этнокультурного «ответа» на данное явление, предположительно, определяемый рядом факторов – исторических, природно-географических, этнопсихологических и др. Задачей настоящего исследования является выявление и описание обычаев и пове-

рий, связанных со сном, в традиционной культуре коми-пермяков.

Исследователи коми-пермяцких традиций проблеме антропологии сна уделяли недостаточно внимания. Этнографические труды Н. Добротворского, Н.А. Рогова, И.Н. Смирнова содержат сведения об обустройстве мест для сна [5, с. 243; 14, с. 76, 80; 16, с. 198], встречаются описания сновидений [23, с. 103–104] и обычаев этикета, связанных со сном [11, с. 1; 25, с. 160]. Стоит отметить использование и публикацию рассказов о снах в изучении культа предков, деятельности знахарей у коми-пермяков в статьях С.Ю. Королевой [9, 10], а также внимание к сновидениям в изучении представлений о душе в диссертации С.В. Чугаевой [24].

Основными источниками для работы служат материалы полевых этнографиче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Пермского края в рамках проекта РГНФ № 15-11-59002 «Символические функции объектов традиционной культуры народов Урала».

ских исследований на территории Коми-Пермяцкого округа, полученные автором, а также участниками этнографических экспедиций Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН (под руководством А.В. Черных, И.А. Подюкова) в период 1999–2012 гг. Материалы собирались методом комплексного опроса, что позволило зафиксировать особенности материальной культуры, связанные со сном, варианты народных интерпретаций сновидений, народные предписания, ритуалы, имеющие отношение ко сну. Тематически разнообразие сведений дает возможность выявить основные элементы антропологии сна как одного из комплексов народной культуры.

ОБОЗНАЧЕНИЕ СНА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ

В коми-пермяцком языке существует несколько разнокоренных слов, связанных с процессом сна: 1) *узьём* ‘сон’, *узьны*, ‘спать’, 2) *он* ‘сон’, *онмёссьыны* ‘засыпать’, 3) *вёт* ‘сновидение’, *вётасьны* ‘видеть сон’, 4) *бабны* детск. ‘идти спать, спать’, 5) *саймём* ‘пробуждение’, *саймыны* ‘проснуться’. Все перечисленные слова имеют общепермские основы [12, с. 35, 69, 248, 296, 297], то есть существовали в языке уже в конце I – начале II тысячелетий н.э. Кроме этого, коми-пермяки используют слово 6) *ваньтны* (*ланьтны*) ‘спать, дремать’; а состояние летаргического сна обозначают, как и в русском языке, с помощью понятия «умирать» – 7) *кулавлыны* ‘обмирать’. Термин «ночевать», который часто имеет отношение к процессу сна, может быть производным как от некоторых перечисленных выше слов, так и от слова «ночь» – 8) *ойявны* [8]. Наличие разнообразных терминов связано с особенностями языка, бытованием ареальных вариантов и народными представлениями. Отметим разделение пермскими народа-

ми в лексическом обозначении состояния сна как физиологического процесса и сновидений (*он* и *вёт*). Использование коми-пермяками слова *саймыны* также в значении ‘очнуться, прийти в сознание’ показывает, что состояние сна воспринимается как особое, имеющее отношение к мыслительным и чувственным способностям человека.

Примечательно, что в народных оборотах речи состояние сонливости и сна зачастую обозначается как воздействие на человека птиц (*сюзь кокалө* ‘сова / филин клюет’, *рам кай кутө* ‘смирная птица ловит’) или зверей (*рам руч личкө* ‘смирная лиса давит’) [22, с. 158, 190]. Появление таких фразеологизмов можно объяснить соотношением состояния сна с повадками данных зверей и птиц, а также возможными народными представлениями о природе сна как состоянии, вызываемом мифическими силами, которые имеют образ названных животных.

ВРЕМЯ ДЛЯ СНА

Естественным временем для сна является ночь. В имеющихся источниках можно выделить рассказ о разделении времени суток, где послеполуночное время до 4 часов утра называется «не нашим временем», когда нужно спать и не выходить на улицу (д. Новоселова Кудымкарского района). То есть состояние сна по данному примеру можно интерпретировать как время деактивности человека. Бодрствование ночью считается допустимым только в отдельных хозяйственных и ритуальных целях – в пасхальную ночь во время молебна, при строительстве дома с целью охраны сруба от колдунов, рядом с телом умершего человека. В последнем случае обязательно кто-нибудь не спит. Этот обычай связан с боязнью смерти и является апотропейным действием. Его семантика строится на противопоставлении состояний смерти и жизни.

Надо отметить, что ночь в коми-пермяцком языке – отправная точка счета суток. Так, обычно говорят *ойлун* ‘ночь и день, сутки’ (аналогично в русском языке

«день и ночь»)¹, *куим ой касьтылõны* ‘три ночи поминают’ (в русском – «три дня»), *куим ой эзõ пылсьõтыллõ свежõй кагасõ*² ‘три ночи не парят новорожденного’. Предположительно, такое языковое оформление связано не только с восприятием светового времени суток, но и ночного сна как начала нового цикла. То есть погружение в ночной сон означает завершение одного суточного цикла и начало другого.

Вставать утром, судя по наблюдениям за старшим поколением, было принято в ранние часы, что связано с естественным солнечным циклом и трудовой деятельностью.

Коми-пермяками не порицалось спать и в дневные часы при наличии свободного времени. В летний сезон при цветении злаков ржи у иньвенских коми-пермяков был обычай в полдень закрывать в доме окна и ложиться отдыхать или спать (Юсьвинский район) [1]. В народных представлениях полуденные часы в период цветения считались опасными из-за появления хранительницы злаков *вуншõрики* ‘полудницы’, символизирующей максимальную солнечную активность, также верили, что деятельность человека в это время может навредить цветущим злакам [3, с. 64–66].

МЕСТО ДЛЯ СНА, ПОСТЕЛЬ

Суровые природные условия определили неприхотливый быт коми-пермяков, что отразилось в их культуре сна, а именно в обустройстве пространства для него. Традиционным местом для сна в избе были полаты и печь. В больших семьях использовали и широкие лавки, стоящие вдоль стен, и голбчики – полатцы у печи над входом в подполье. Нередко спали и на полу. Печь и лавки чаще были местом сна для стариков. Младенцев качали в люльках-зыбках, которые висели на прикрепленном шесте, а на ночь иногда укладывали на теплую печь или рядом с матерью. На кроватях, которые начали появ-

ляться в крестьянском быту в начале XX в., обычно спали мать и отец семейства. В летнее время место для сна устраивали в клетях (*чом*) и на полатах в сенях.

Трудовой процесс или, наоборот, праздничное (обрядовое) время предъявляли другие условия для сна. В некоторых таких случаях место ночлега могло быть, ситуативным. Мужчины, если возвращались с праздничных пиров поздно ночью, могли ночевать в банях. В осенне-зимнюю пору девушки собирались на посиделки в чьем-либо доме и нередко оставались там ночевать, для них стелили постель на свободных местах, часто на полу. Таким же образом размещали на ночь гостей во время праздников, свадеб. Молодоженам в первую брачную ночь выделяли особое место на усадьбе, им могла быть клеть, чулан, огороженный в сенях, но чаще всего их укладывали в подполье. При промысловой деятельности в лесу, особенно на охоте, тоже было принято подготовить место ночлега. Обычно для этого стелили на землю пихтовые лапки, некоторые промысловики умели готовить костер *нодьа*, медленно тлеющее дерево которого согревало их в течение ночи. Иногда для ночлега в лесу выбирали место под большим деревом.

Из зафиксированных запретов, связанных с местом сна, можно назвать воспрещение беременной женщине спать на печи, считается, что это может повредить плоду (д. Мысы Гайнского района), предписание стелить постель вдоль половиц пола (с. Пятигоры Косинского района, д. Федотово Юсьвинского района) и спать головой на восточную сторону (с. Большие Они Юсьвинского района). Негативным местом для сна и расположения дома вообще называется старое кладбище, где вероятны ночные кошмары, во время которых снятся умершие (д. Малая Коча Кочевского района).

Все принадлежности постели коми-пермяки изготавливали из продуктов труда

¹ Выражаем благодарность за указание на данную особенность в языке коми-пермяков А.С. Лобановой.

² Тексты полевых записей в статье приведены в диалектной форме.

или природных материалов. Для мягкости плели из соломы и лыка специальные коврики (Гайнский, Косинский районы) или набивали соломой шитые холщовые мешки в виде матрацев. Редко, но упоминаются в зафиксированных источниках пуховые перины, которые также делались самостоятельно (д. Бажово Кочевского района, с. Тимино Юсьвинского района). Сверху на матрацы и солому стелили холщовые *постилки*, сотканые из грубого сорта льна. Одеждом (*шобрас*) служили подобные же *постилки* или шерстяной войлок (*гын*), использовали с этой целью и верхнюю одежду (тулупы) или сшитые куски овчины, а некоторые охотники – шкуру лося (пос. Кебраты Гайнского района). Подушки набивали пухом кур, лесных птиц, пухом от камыша, соломой, тряпками. У супругов могла быть одна общая длинная подушка, наличие которой символизировало их семейные узы. Особым приспособлением для постели у коми-пермяков был холщовый полог (*өн*), который подвешивался над местом ночлега и полностью укрывал пространство для сна. Обычно под полог помещались два взрослых человека. Полог в летнее время спасал от насекомых, в зимнее – от холода. Еще более простой была постель младенцев, устраиваемая в зыбках. На дно люльки стелили солому, сверху на нее укладывали остатки от поношенной одежды, также из соломы и тряпок делали небольшую подушку. Всю зыбку укрывали, подобно пологу, старым дубасом или юбкой.

Изготовление постели и уход за ней был в культуре коми-пермяков женской обязанностью, уже при подготовке к свадьбе девушка должна была позаботиться о постели, которая становилась частью ее приданого и символизировала достаток ее семьи. Хранили постель в дневное время обычно в скатанном виде.

В определенных ситуациях постель дополнялась специфическими атрибутами. Например, при заболевании ребенка краснухой на подушку одевали красную наволочку как средство борьбы с болезнью (д. Верхняя Волпа Юсьвинского рай-

она); во время свадебного обряда в постель молодоженов подбрасывали поленья, куколок, которые в народном представлении обеспечивали продуцирующую силу молодоженов [21, с. 64].

Особое отношение существовало к постели умершего человека. В некоторых случаях от нее избавлялись, в других – хранили до 40 дней (с. Кува Кудымкарского района) и запрещали на ней спать до проводов души (д. Казарина Кудымкарского района) либо ей не придавали особого значения.

ОДЕЖДА ДЛЯ СНА

Обычно коми-пермяки спали в нижних рубашках. К сожалению, тема одежды для сна у коми-пермяков не исследовалась специально при сборе материала и остается слабо изученной. Отметим лишь, что Н.А. Рогов при описании женской одежды сообщает: «Пермячка не оставляет шамшуру ни на шаг от себя; она всегда с ней – и днем и ночью, и на работе и в постели» [14, с. 105]. В детстве автор настоящей статьи также наблюдала, как ее бабушка перед сном и после сна обязательно расчесывала волосы, заплетала *балича* – две косы, уложенные вокруг головы – и надевала *моршень* (головной убор в виде чепца). То есть в традиции коми-пермяков женщинам было принято спать в повседневном головном уборе.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СНЕ И СНОВИДЕНИЯХ, ВЕЩИЕ СНЫ

Хороший умеренный сон по народным воззрениям считается признаком здоровья, тогда как бессонница или, наоборот, длительный сон, в том числе летаргический, – признаком болезни, порчи. Зевота – симптом сонливого состояния, у коми-пермяков в некоторых ситуациях воспринимается еще как особый знак. Зафиксировано два варианта интерпретации зевоты: 1) это характерная черта человека с вселенным мифологическим персонажем – *икотой* (д. Малая Коча Кочевского района); 2) это знак, предвещающий положительный исход (обна-

ружение пропавшего скота) во время проведения обряда *черёшлан* (с. Пуксиб Косинского района).

Коми-пермяки разделяют сновидения на вещие, которые предсказывают какое-то событие, и обычные. Вещие сны обозначают – *вётъс кыдз киö пуктö* ‘сновидение как на руку кладет’ (рус. «сон в руку»). Некоторые люди воспринимают способность видеть вещие сны как особый дар, наследованный ими от предков: *У меня все сны вещие, наверно от матери это нам переходит* (д. Петухова Кочевского района). Отмечают, что вещие сновидения сбываются, но не всегда в точности. Также распространено мнение, что для каждого человека сновидения означают что-то свое, их нужно примечать, чтобы узнать символику. При этом некоторые из опрошенных коми-пермяков пользуются печатными сонниками и замечают совпадение в их жизни прописанных в них толкований. Отличительной чертой вещих снов называют свойство их запоминаемости (с. Большая Коча Кочевского района), а дополнительной характеристикой – время сновидения в течение ночи, от которого зависит быстрота его исполнения.

Асывнас вётасян, сия, скоро мый вонны, дак воас. Ойнас вётасян – сия дыр. А рытсаянь вётасян, дыр мысь мый вонны, дак воас ‘Утром приснится, это, чему вскоре быть, так исполнится. Ночью увидишь сон – он долго. А с вечера снится, чему через большой промежуток времени быть, так будет’ (9).

Согласно народным воззрениям, вещие сны снятся в определенные календарные периоды и в специфических жизненных ситуациях. В течение года выделяется два таких периода – время зимних святок (07–19.01) и летний период *цветья*, включая Иванов день (07.07), когда цветут рожь и луговые растения. В данные же периоды существуют обычаи инициировать вещие сновидения. В святки обычно девушки загадывают своего будущего жениха. Для этого «закрывают» вед-

ра, колодцы, проруби на замок, а ключ кладут под подушку. Загадывая на сон, можно положить сочень, лапотное шило, кочергу, мужские штаны. В летний период цветения растений специально ложатся спать на поле либо кладут под подушку три колоса, в Иванов день – 12 трав (Кудымкарский район, Юсьвинский район). В месячном цикле выделялся период новолуния, когда тоже примечают и иницируют вещие сны:

Когда в первый раз луну увидишь в этом месяце, месяц маленький, надо сразу что-то брать, что попадет и положить под подушку и думать о чем-то, о каком-то желании. Это должно присниться (4).

В недельном цикле выделяют ночь вторника на среду и с четверга на пятницу (с. Доег Юсьвинского района; д. Большая Сидорова Кудымкарского района; с. Пелым Кочевского района). Коми-пермяки загадывают на сон также, ночуя первый раз на новом месте. Например, невеста примечает сон в первую ночь в доме жениха:

В первую ночь спрашивали, что приснится. Так, говорили, и жить будешь (5).

По народным представлениям, сновидения не только имеют прогностические функции, но и становятся способом общения с «иным» миром: с умершими, религиозными и мифологическими персонажами. Поэтому в народе существовали такие обычаи, как обещание или запугивание тем, что после смерти они будут сниться человеку (д. Лобозово Кочевского района, пос. Светлица Косинского района), а также просьбы увидеть во сне умерших родственников.

Я подойду к портрету, говорю: «Ты хоть во сне приснись!» (13).

Ме важсанялö шуа: «Тэ, вежань, кулны кöсьян, видно». – «Кула», – пö. «Кыдз, – мыся, – Лидаö олö, вётö уськötчы. Кыдз Тятю Гриши олö, вётö уськötчы» ‘Я крестной говорю: «Ты, крестная, умирать обещаешь, видимо». – «Умираю», –

мол. – «Как Лида живет, во сне приснись. Как тятя Гриша живет, во сне приснись» (8).

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ ПЕРЕД СНОМ

Так как в традиционных культурах сон воспринимался как особое состояние, близкое смерти, «иному» миру, существовала особая система нормативов, связанных со сном [4, с. 48]. В традиции коми-пермяков отмечаются защитные действия перед сном, направленные на обеспечение безопасности человека в течение ночи, в том числе от нечисти. Наиболее распространенным из них является устный текст: молитва, заговор, приговор.

Сон да угомон, спокойной ночь да терпеннэ (14).

Дай Господь Батюшко сон и угомон. Бессонница поиди со Христом за темные леса, за зыбучие места, где птицы не летали, где люди не бывали. Поиди с Христом, не задерживайся (12).

Верующие коми-пермяки перед сном кладут крестное знамение на подушку, на двери, окна, даже на розетки, оставляют рядом с постелью икону. Зафиксирован также пример обращения перед сном к соседко, чтобы он дал сон: *...На эту залавку мать оставит кусок хлеба каждый раз на ночь и говорит: «Суседушко-батюшко, нам дай сон, вот тебе хлебушко, ешь, мы легли спать»* (2). Чтобы сон не «унесли с собой гости», считают, надо проводить их до калитки (пос. Жемчужный Гайнского района). Анализ причин нежелательных сновидений, называемых респондентами, показывает, что кошмарные ночные видения связываются с нарушениями общественных норм (выругались в лесу, забыли помянуть умерших, бросили в вихрь нож). То есть исполнение неписаных правил – это залог хорошего сна. Отдельно можно выделить ситуации, когда человеку пришлось ночевать в непривычных для него местах, например в лесу, тогда советуется перекреститься три раза (с. Верх-Юсьва Кудымкарского района), попросить разре-

шение у ели, под которой собираются устроить ночлег (д. Калинино Юсьвинского района).

...Только помолишься три раза [перекрестишься], когда будешь спать в лесу, и никто тебя не тронет, и лесное не подойдет (11).

СРЕДСТВА ОТ БЕССОННИЦЫ, ОТ СОНЛИВОСТИ И ДЛЯ ПРОБУЖДЕНИЯ

В коми-пермяцких традициях можно выделить средства от бессонницы предназначенные детям и взрослым. Если ребенок плохо спит, постоянно ревет, прежде всего стараются узнать причину его тревожности. В случае щетинки ребенка парят в бане, обмазав тестом или грудным молоком. Если он засыпает днем, а ночью бодрствует, в изголовье колыбели подкладывают девочкам маленькую прялку, мальчикам – топорик (д. Большая Сидорова Кудымкарского района), в некоторых случаях считают, что эти предметы дополнительно наделяют детей качествами мастерства в труде (пос. Кебраты Гайнского района); знахарки от полуношницы читают заговоры на утреннюю и вечернюю зарю (пос. Кебраты Гайнского района). Для хорошего сна под подушку кладут травы. Описывают травы с розовыми или желтыми лепестками (д. Малая Коча Кочевского района, д. Рочева Кудымкарского района), одну из таких трав называют «сон богородица» (д. Кукушка Кочевского района). Предположительно, данными травами могут быть прострел, живокость [2, с. 91; 7, с. 100], звездчатка ланцетовидная (1). Также действенным средством считается положить в зыбку нестиранное нижнее белье, напоить или побрызгать ребенка священной водой, попарить его в бане. В одном из примеров описывается целый баный ритуал, призванный обеспечить ребенку хороший сон:

Чугун с водой в печь, веник в нем напарят. Водой брызгают. Потом веник на четыре части делят, на четыре угла печки ставят. «Как ци-

пицы пекутся, пусть также полуношница спечется. <...> Пусть также полуношница печется, в печи горится» (16).

Средствами от бессонницы для взрослых называют хмель, «черную траву» (марьянник луговой) (д. Малая Коча Кочевского района), «сон богородицы», которые держат под подушкой в мешочке³; прием внутрь семян купальницы (пос. Кебраты Гайнского района) или отвара молока с семенами мака (с. Пуксиб Косинского района), окуривание человека и пространства спальни дымом можжевельника, обладающего антисептическими свойствами (пос. Кебраты Гайнского района). Кроме этого, при бессоннице читают молитвы и применяют прием счета, например, считают звезды (д. Заполье Кудымкарского района).

Способы от сонливости в народной культуре, по-видимому, мало актуальны. В ходе полевых этнографических исследований было записано, что в похоронной обрядности, когда по ночам караулят покойника, принято читать молитвы, а для избавления от сна мужчины играют в карты: *Если спать хочется им очень, так в карты даже играли (7).*

Специальных средств для пробуждения от сна у коми-пермяков практически в прошлом не было, так как жили по биологическому ритму организма, привыкшему к природному суточному циклу. Для определения времени ориентировались на петушиный крик, в лесу – на пение птиц. Если дети долго не встают, могли побрызгать их холодной водой. Такой же прием использовали в локальных традициях в свадебном обряде, чтобы определить, бойкие молодожены или нет, поливали воду на пол над местом их постели в подполье (д. Новоселово Кудымкарского района). Бытовали и индивидуальные способы регулирования времени сна с целью раннего пробуждения, как в одном из записанных примеров:

Правдед у меня такой был Софрон. Если ему надо было раньше вставать, он под голову подкладывал полено, чтобы неудобно было спать и не проспать (д. Бажино Юсьвинского района).

АПОТРОПЕЙНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСЛЕ СНА

Обереговые действия после сна связаны с негативными сюжетами сновидений, имеют целью обезопасить человека от их повторов или от возможности воплощения их в жизни. Если приснится плохой сон, коми-пермяки выполняют одно из следующий действий или несколько из них сразу: смотрят в окно, переплевывают через левое плечо три раза, произносят приговор.

Три раза съдзьян и шуан: «Вётмы ась мунö вёт туйö, оныс он туйö» ‘Три раза переплюнешь и скажешь: «Сновидение пусть идет по дороге сновидения, сон по дороге сна»’ (6).

Переплевывание через плечо и словесные приговоры являются довольно известными апотропейными действиями в разных ситуациях [3 с. 127–130; 6, с. 122–123]. Способ посмотреть в окно можно назвать уникальным, связанным именно со сном. Он строится на противопоставлении сновидений с реальностью, через него человек устанавливает доминанту реальных процессов, определяющих ход его жизни.

Неприятные частые наваждения во сне покойников коми-пермяки прекращают специальными способами. Зафиксировано два варианта отведения неприятных сновидений: 1) угроза помянуть или собственноручно поминование умершего «в туалете», то есть после дефекации; 2) передача одежды покойника, в которой он скончался, другому человеку.

И мне сказали, ты до тех пор будешь не спать и видеть, пока эту одежду не отдашь, в которой она

³ Помимо названных трав, средствами от бессонницы на территории Коми-Пермяцкого округа, по данным, собранным сотрудниками РЭМ, считаются истод обыкновенный и пастушья сумка (1).

умерла. Я испекла хлеб челпан, платок положила туда головной, рубашку она всегда носила нижнюю, платье, в котором она умерла. <...> А там Натальей звали [унесла узел ей]. <...> Узел развязала, ушла на кухню, там всё передела она. А хлеб-от, чё я принесла, положила на стол. Вышла переодета, вот де я у свекровки твоей одела одежду, вот я твоя свекровка как, посмотри, пока не износится, я буду носить. Давай де, садись, свекровку твою помянем. Мы сели, покрестились, помолились. Свекровку Катей звали. «Катя, я твое буду носить, Зое чтобы ты не снилась» (3).

Первый вариант строится на оппозиции приятного и гадкого, выбор «гадкого» (фекалий) в данном случае связан с представлением коми-пермяков о том, что покойники питаются паром. Во втором варианте присутствует оппозиция жизни и смерти, но более всего в нем выражено психологическое воздействие, призванное успокоить человека, разделить в его восприятии вещи и явления, принадлежащие миру мертвых и миру живых.

Еще один вариант защиты – запрет рассказывать людям о своем сновидении (д. Пармайлово Кочевского района). В данном случае отражается представление, присущее традиционным культурам [20, с. 430], о слове как магическом способе материализации сказанного.

СОН, СНОВИДЕНИЯ И НАРОДНЫЕ РИТУАЛЫ

Помимо описанных способов гаданий на сон, у коми-пермяков существуют ритуалы, включающие сон или сновидение как один из этапов или неотъемлемую их часть, это ритуал *черёшлан* и народные процедуры врачевания. В ритуале *черёшлан* (с помощью которого определяют, кто наслал кару – *мыжу*, – умерший предок или христианский святой), предусматриваются две возможности определения причины недуга человека / жи-

вотного или пропажи скота – сновидение и перечисление имен умерших святых перед подвешенным предметом. Определение по сновидению известно не всем знахаркам, оно не упоминается в описаниях ритуала середины XIX – начала XX в. [5, с. 578; 16, с. 253; 25 с. 61–63]. По современным полевым материалам этот прием широко известен северным коми-пермякам. Сновидение в данном случае предшествует гаданию с подвешенным предметом, оно является дополнительным уточняющим способом. После того как человек обращается к черешланнице, она готовит узелок с хмелем (в других вариантах могут быть положены в разном сочетании хлеб, монета, соль), который оставляют на божнице или под подушкой на одну – три ночи. В это время должен присниться виновник кары.

Черёшлан көртлöны старукаэз. Соль рукляё домаласö, сийö юр одзаныс öтик ой усьтöтасö, ся ен джаджын усьтöтасö. <...> Узян, должён сия вöтасьны. ‘Черешлан завязывают старухи. Соль в тряпочку завяжут, ее одну ночь под подушкой держат, потом на божнице держат. <...> Спишь, должен он присниться’ (15).

Зафиксированы также варианты избавления от болезни или нахождения пропавшего животного через сновидения, в которых хмель или хлеб помещают на ночь под подушку, но не проводят затем ритуал с перечислением имен (пос. Жемчужный Гайнского района, д. Петухово Кочевского района). По-видимому, данные примеры стали самостоятельными ритуальными формами, выделившись из практики проведения *черёшлан*.

В народном врачевательстве сон выступает последующим после проведения специальных действий этапом, означающим позитивный ход лечения, что основано на рациональных знаниях о состоянии сна как процесса восстановления жизненных сил.

Чё-то читает и крестит, читает и крестит. <...> Потом она пошла

меня, и меня сон взяло. Она фуфайку положила мне и говорит: «Ложись, ложись, значит в пользу пошло». Я заснула (10).

Кроме этого, знахари наделяют сновидение после ритуала лечения провидческими функциями: больной должен увидеть во сне человека (колдуна), виновного в его болезни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные обычаи и поверья показывают, что в бытовом отношении коми-пермяки достаточно просто относились ко сну, обеспечивая себя элементарными условиями. При этом культура сна стала одной из составляющих в обустройстве интерьера избы, обычаях посещения леса, отношении к одежде, семейных обычаях и обрядах. Общее для всех народов отношение ко сну как к особому состоянию, сравнимому со смертью, а к сновидению – как

к форме общения с миром предков и божеств, у коми-пермяков выразилось в ряде представлений и ритуалов. В первую очередь это апотропейные действия, мантические практики и общественные нормативные основы, которые можно найти и в других культурах [4, 17]. Ряд представлений о сне и сновидениях имеют у коми-пермяков чисто мифологические основы (например, «вызывание» покойников, переплевывание через плечо), но, кроме этого, многие обычаи отражают рациональные знания о сне (использование хмеля, мака, оценка по сну состояния здоровья человека) и эффективное применение их в психотерапевтических целях. Выявленные элементы позволяют говорить о сложении целого комплекса обычаев и поверий культуры сна в традициях коми-пермяков, а также раскрывают некоторые лакуны в изучении данной проблемы.

Список источников

1. Фонды Российского этнографического музея. Описание коллекции «Коми-пермяки» Ч. 2. № 7505.
2. Зап. от Баяндиной Елизаветы Ларионовны, д. Глушата Пермского района, родилась в д. Левина Кудымкарского района. – 2005.
3. Зап. от Боголюбовой Зои Ивановны, 1932 г.р., д. Уржа Кочевского района. – 2009.
4. Зап. от Вавилиной Прасковьи Александровны, 1932 г.р., с. Доег Юсьвинского района. – 2003.
5. Зап. от Веры Алексеевны, 1928 г.р., д. Истердор Юсьвинского района. – 2003.
6. Зап. от Голевой Ирины Александровны, 1928 г.р., с. Пуксиб Косинского района. – 2006.
7. Зап. от Головиной Юлии Андриановны, 1939 г.р., пос. Березовка Кудымкарского района. – 2010.
8. Зап. от Златиной Марии Михайловны, 1937 г.р., д. Мысы Гайнского района. – 2010.
9. Зап. от Истоминой Елизаветы Кузьмовны, д. Большая Сидорова Кудымкарского района. – 2007.
10. Зап. от Мизевой Галины Арсеньевны, 1939 г.р., пос. Кебраты Гайнского района. – 2005.
11. Зап. от Подъянова Егора Афанасьевича, 1925 г.р., с. Верх-Юсьва Кудымкарского района. – 2006.
12. Зап. от Савельевой Аграфены Степановны, 1928 г.р., д. Пронино Юсьвинского района. – 2003.
13. Зап. от Савиной Анны Егоровны, 1936 г.р., д. Гришина Кудымкарского района. – 2006.
14. Зап. от Федосеевой Антонины Семеновны, 1925 г.р., с. Пуксиб Косинского района. – 2006.
15. Зап. от Федосеевой Пелагеи Глебовны, 1924 г.р., с. Пуксиб Косинского района. – 2006.
16. Зап. от Чугайновой Евдокии Гордеевны, 1928 г.р., д. Слепоево Кочевского района. – 1999.

Библиографический список

1. Великая Россия. Географический, этнографический и культурно-бытовой очерк современной России. – М., 1912. Т. 2. – 263 с.
2. *Верещагина В.А., Колясникова Н.Л.* Растения Прикамья: уч. пособие. – Пермь: Книжный мир, 2001. – 176 с.
3. *Голева Т.Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2011. – 272 с.
4. *Добровольская В.Е.* Запреты и предписания, связанные со сном // Живая старина. – 2012. – №1. – С. 48–50.
5. *Добротворский Н.* Пермяки. Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. – 1883. – Т. 2, кн. 3, 4. – С. 228–263, 548–580.
6. *Зеленин Д.К.* Магическая функция примитивных орудий // *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917–1934. – М.: Индрик, 1999. – С. 100–139.

7. Колосова В.Б. Богородичные травы в русской культуре // Русская речь. – 2010. – №4. – С. 98–104.
8. Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Боталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М.: Рус. яз, 1985. – 624 с.
9. Королева С.Ю. «Знающий» в современной коми-пермяцкой деревне. К вопросу о механизмах передачи и сохранения локальных форм традиционной культуры (на материале экспедиционных исследований) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/koroleva1.htm>.
10. Королева С.Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. – 2014. – №23. – С. 52–76.
11. Крупкин А. Верования пермяков-инородцев // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1911. – №4. – С. 1–15.
12. Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми-языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.
13. Рабинович Е.И. Сон и сновидения как феномен культуры (на примере культуры северо-буддийского региона): автореф. дис. ... канд. культур. – Екатеринбург, 2011.
14. Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков: стереотипное издание. – Пермь, Кудымкар: Типография купца Тарасова; Коми-Перм. кн. изд-во, 2008. – 224 с.
15. Сафронов Е.В. Рассказы об иномирных сновидениях в контексте русской несказочной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2008. – 22 с.
16. Смирнов И.Н. Пермяки: Историко-этнографический очерк // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском ун-те. – Казань, 1891. – Т. IX. – Вып. 2. – 289 с.
17. Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. – М.: РГГУ, 2001. – 382 с.
18. Сны и видения в славянской и еврейской культурной традициях: сб. ст. – М., 2008. – 224 с.
19. Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст // Випперовские чтения. – М., 1993. – 147 с.
20. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
21. Традиционная кукла народов Пермского края. – СПб.: Изд-во «Маматов», 2013. – 128 с.
22. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. – Пермь: ПГПУ, 2010. – 225 с.
23. Чагин Г. Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии: Избр. тр. – Пермь: ПГУ, Прикамский социол. институт, Прикамский совр. социально-гуманитарный колледж, 2002. – 384 с.
24. Чугаева С.В. Традиционный погребально-поминальный обряд коми-пермяков (конец XIX – XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: – М., 2011. – 19 с.
25. Янович В.М. Пермяки. Этнографический очерк // Живая старина. – 1903. – Вып. I–II. – С. 52–171.

SLEEP AND DREAMING IN THE KOMI-PERMYAKS' TRADITIONAL CULTURE

T.G. Goleva

Perm scientific center RAS UD

Traditions of sleep have inevitably evolved in the culture of any nation. Modern ethnographic field data reveal the elements of the anthropology of sleep in the Komi-Permyaks' traditional culture. The author describes the material culture, the rituals associated with sleep, beliefs and ideas about sleep and dreaming. The study allows defining the semantics of some customs and the Komi-Permyaks' rational knowledge about the nature of sleep.

Keywords: Komi-Permyaks' traditions, sleep, dreaming, bed, divination, spell, ancestor worship.

Сведения об авторе

Голева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии, Пермский научный центр УрО РАН (ИИЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: golevat@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 31.10.2015 г.